

А. И. Журова
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия. zhurovansk@mail.ru

ПОСЛАНИЯ МАКСИМА ГРЕКА МИТРОПОЛИТУ МАКАРИЮ В КОНТЕКСТЕ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ ПИСАТЕЛЯ

Предметом настоящей статьи стал вопрос о системных отношениях двух известных посланий Максима Грека митрополиту Макарию. Рассмотрены их смысловые и межтекстовые связи в контексте посланий Петру Шуйскому, митрополиту Даниилу, протосинкеллу Алексею, великому князю Ивану IV. Предложена гипотеза о выделении из состава первого Послания Макарию заключительного фрагмента, названного автором «краткий ответ». На основе изучения истории двух прошений афонского монаха: о снятии беспричастия и возвращении на Святую Гору – определено место «краткого ответа» и посланий Макарию в эпистолярном наследии писателя. Рассматривается вопрос о датировке посланий митрополиту.

Ключевые слова: Максим Грек, митрополит Макарий, послание, прошение, эпистолярное наследие

К 550-летию со дня рождения
Максима Грека

Известны два послания Максима Грека митрополиту всея Руси Макарию. К ним обращались В. Ф. Ржига, И. И. Смирнов, Н. В. Сеницына в связи с исследованием отдельных вопросов творчества писателя. Целого и системного анализа текстов пока не существует, окончательно не решена проблема их датировки и связей с рукописным наследием публициста. Эти аспекты предложены в качестве предмета настоящей статьи. Сочинения содержат детали, важные для биографии Святогорца, не так богатой на достоверные сведения.

Первое «Послание инока Максима Грека ко святѣишему Макарию, митрополиту всеа Русии» дошло в составе сводов сочинений Святогорца, сформированных русскими книжниками в конце XVI – начале XVII в.¹, и заголовок, видимо, был надписан одним из них. К сожалению, прижизненные списки Послания не известны, и письменная традиция памятника не отличается разнообразием чтений. Послание опубликовано в 1860 г. по рукописи РНБ. Соловецкое собр. № 495/514. 1660 г.² Предлагаемый анализ построен на изучении списка Троицкого собрания – РГБ. Ф. 304/І. № 200. Л. 364–367 об. [Сеницына, 1977, с. 273]. Этот кодекс интересен в первую очередь тем, что его составители, редакторы использовали архив писателя, хранившийся в Троице-Сергиевом монастыре, последней обители афонского богослова. Рукопись знаменита многослойной правкой, отразившей важные моменты истории текста сочинений Максима Грека. Но Послание Макарию в этом сборнике не имеет каких-либо помет и исправлений, что свидетельствует об односложности его литературной истории. Текст писан на отдельных листах одним почерком, полууставом, переходящим в скоропись.

Второе Послание Макарию сохранилось в единственном списке уникальной прижизненной рукописи начала 50-х годов XVI в. – РГБ. Ф. 256. № 264 (Румянцевский сборник).

¹ Соловецкое собрание: РНБ. Соловецкое собр. № 497/516. Конец XVI в. Л. 327 об.–330 об.; Синодальное собрание: ГИМ. Синодальное собр. № 491. Конец XVI в. Глава 96. Л. 537–543; Нижегородско-Парижское собрание: Paris. Man. Slav. № 123. Конец XVI в. Глава 8. Л. 75 об.–79 об.; Троицкое собрание: РГБ. Ф. 304/І. Главное собр. библиотеки Троице-Сергиевой лавры. № 200. 20-е годы XVII в. Глава 104. Л. 364–367 об.; Полное собрание: РГБ. Ф. 304/І. № 201. 20–30-е годы XVII в. Глава 14. Л. 96 об.–100; Краткий вид Полного собрания: РГАДА. Ф. 187. Рукописное собр. РГАЛИ. Оп. 1. № 90. Л. 203–209; Собрание в единственном списке: ИРЛИ. Кол. М. Ф. Першина. № 14. Глава 95. Обратим внимание, что Послание не вошло в состав таких кодексов конца XVI в., как Рогожское собрание (РГБ. Ф. 37. Собр. Т. Ф. Большакова. № 16; РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1141) и собрание Ионы Думина (РГБ. Ф. 98. Собр. Е. Е. Егорова. № 207), представляющих собой важную параллельную линию в развитии рукописной традиции сочинений Максима Грека конца XVI в.

² Сочинения преподобного Максима Грека. Казань, 1860. Ч. 2. С. 357–367.

Л. 37 об.–40 [Синицына, 1977, с. 250], опубликовано Филаретом (Гумилевским) в 1842 г.³ Текст без названия, открывается прескриптом, что указывает на его близость к архетипу:

«Преосвященному митрополиту Москвѣ и всея Руси, господину имярек, моему же государю и владыцѣ честнѣишему, еже до лица земли о Господѣ поклонение творю и цѣлование священных ногъ его, не смѣю бо глаголати, и преподобных рукъ его, дондеже еще не чисты усты обношу безпричастиемъ божественныхъ таинъ и помощи получитьи не достоинъ вмѣняемъ есмь» (Л. 37 об.)⁴.

В нем заявлена главная тема Послания – «безпричастие божественныхъ таинъ».

В отличие от послания митрополиту Даниилу оба послания Макарию не включены Максимом Греком в состав «избранного», а именно, авторских кодексов (Иоасафовское и Хлудовское собрания), видимо, потому, что носят служебно-личный характер и с адресатом автора связывали не мемориальные отношения.

Самая сложная проблема – хронология посланий. Установленные исследователями даты: 1542 г. (первое Послание) и 1546–1548 г. (второе, ответное, Послание) – смущают большим временным разрывом.

В первом Послании содержатся два взаимоисключающих датирующих признака. По количеству указанных лет о лишении Максима Грека причастия решением Собора 1525 г. [Судные списки, с. 122]: причастия «лишенъ есмь, не вѣмъ чесо ради, лета уже 17» – исследователи время составления Послания относят к 1542 г. (это же был год поставления Макария в митрополиты всея Руси – 16/19 марта 1542 г.).

В заключительной части этого же Послания изложена еще одна просьба Максима – о возвращении на Афон, и в ней сделана ссылка на грамоту Вселенского патриарха (1545 или 1546 г.)⁵, что, как справедливо отметила Н. В. Синицына, противоречит расчету о 17 годах отлучения от причастия [Синицына, 1977, с. 156, примеч. 47]:

«Не изволите явитися преслушающе богомольца вашего, вселенского патриарха, моляща вас о мне» (Л. 367)⁶.

На основе упоминания патриарха И. И. Смирнов датировал первое Послание Макарию 1548 г. [Смирнов, с. 179]; Н. В. Синицына, допустив, что указание на 17 лет ошибочно, предложила считать 1545–1546 г. временем появления текста [Синицына, 1977, с. 156, примеч. 47]; архимандрит Макарий (Веретенников) указал дату: «после 1548 г.» [Макарий (Веретенников), 2017, с. 346].

Противоречие датирующих признаков можно, наверное, снять, если обратить внимание на архитектуру текста: он состоит из двух частей. Послание Макарию, цель которого – прошение о возвращении причастия, завершается библейскими цитатами (что в традиции финалов сочинений Максима Грека) и литургической формулой, выполняющей функцию концовки и границы повествования:

«Увы, мне, окаянному! В какову нужу клятвеную доидох, окаянии аз! “Богъ – Судия праведенъ и крѣпокъ, и долготерпеливъ” (Пс 7: 12); “Тои воздасть коемуждо по дѣломъ своимъ” (Мф 16: 27). Тому слава во вѣки. Аминь» (Л. 367).

Следующий далее текст, можно полагать, был прикреплен к Посланию на каком-то этапе его рукописной истории, и он начинается словами:

«Аще убо увѣщаваю о Христѣ ваше благовѣрие краткимъ симъ отвѣтомъ, и, достоинъ милости, судимъ естъ вами...» (Л. 367).

Этот заключительный фрагмент, названный автором «краткий ответ», содержит просьбу о возвращении на Святую Гору, обращенную, видимо, к Боярской думе. Апеллятив «ваше

³ Филарет (Гумилевский). Максим Грек // Москвитянин. 1842. № 11. С. 91–96.

⁴ Текст второго Послания цитируется по рукописи РГБ. Ф. 256. № 264, листы указаны в круглых скобках.

⁵ Грамота патриарха Александрийского Иоакима I датируется 4 апреля 1545 г., грамота патриарха Константинопольского Дионисия II – июнем 1546 г.

⁶ Текст первого Послания цитируется по рукописи РГБ. Ф. 304/1. № 200, листы указаны в круглых скобках.

благовѣрие» известен в «Слове отвѣщательном об исправлении книг русских» (1540–1544 г.)⁷, которое было направлено «благовѣрнѣшим и славнѣшим князем и боярам» с той же просьбой: «молю ваше благовѣрие еже въ Святую Гору възвращение»⁸.

«Краткий ответ» принципиально отличается от собственно Послания Макарию системой апелляции и тональностью повествования. Если в Послании Максим Грек с высокой частотностью использует прямые обращения к митрополиту: «владыко святыи», «ты же, о божествена и освященная главо», «всеосвященне владыко», «ты же, о Богом благодатне, возмогаи», «твое преподобство» и др., то в «кратком ответе» речь автора направлена коллективному адресату («господамъ моимъ»): «призываю Свѣдѣтеля вам, господамъ моимъ», «благоизволите убо, благоизволите, Господа ради, сотворити милость о мнѣ, бедномъ» (Л. 367), «да и вы, чистымъ благовѣриемъ украшаеми...» (Л. 367 об.). Е. Е. Голубинский полагал, что Максим Грек мог обратиться с прошением к Боярской думе [Голубинский, с. 815]. Не может ли «краткий ответ» иметь отношение к такому прошению?

Примечательна похвала Вселенскому патриарху, находящаяся в «кратком ответе». Речь, видимо, идет об Иоакиме Александрийском (1487–1565 г.)⁹, грамота которого об облегчении участи афонского узника датируется апрелем 1545 г. Максим Грек, видимо, знакомый с его деятельностью, отметил один мотив, который стал ведущим в ряде его сочинений¹⁰:

«по вся дни безчислена напастования и поношения от безбожных агарянъ доблественѣ терпяша» (Л. 367 об.).

Вселенского патриарха он называет праведным и богочестивым архиереем, исповедником Церкви Христовой, святителем Божиим, «моляща вас о своем его овчатѣ». Дионисию II, занявшему патриарший престол в апреле 1546 г., Святогорец, видимо, не мог дать столь содержательную характеристику. Такой панегирик главе Александрийской церкви вряд ли был уместен в составе Послания Московскому митрополиту. Заканчивает свою речь Максим Грек апостольским словом, адресуя его «господам моим»: «Братие, послушайте наставников ваших и повинуетесь» (Евр 13: 17). «Краткий ответ» можно расценивать как самостоятельный текст (видимо, это фрагмент какого-то сочинения), отразивший реакцию Максима на грамоту патриарха и созданный во второй половине 1545 г. Из состава первого Послания Московскому митрополиту его следует исключить.

Просьба Максима Грека о возвращении на Афон в рукописном наследии писателя имеет свою историю, и необходимо определить в ней место «краткого ответа».

Прошения об «отпущении» на Святую Гору появляются в сочинениях Максима Грека первой половины 40-х годов XVI в. Вероятно, они были обусловлены изменившейся ситуацией: свержением главного оппонента опального инокa – митрополита Даниила (февраль 1539 г.). Немаловажную роль могли сыграть грамоты афонских старцев с просьбой об освобождении ватопедского инокa Максима¹¹. В Послании Петру Шуйскому 1542 г. (в нем тоже указано на 17 лет беспричастия) инок Максим через посредничество сына влиятельного Ивана Шуйского пытался привлечь внимание высших кругов Московской Руси к своему положению:

«И не оно прошу, да отпущенъ буду въ ону честную и многожелаемую всѣмъ православнымъ Святую Гору, – вѣмъ бо и самъ, яко таковое мое прошение нѣсть вамъ любезно, ниже благоприятно...»¹².

⁷ «Слово» датируется по числу лет, указанных автором, когда он был «обдержим лютѣ», цифры меняются по спискам – 15, 17, 19 (Преподобный Максим Грек. Сочинения. М., 2014. Т. 2. С. 366).

⁸ Там же. С. 143.

⁹ Исследователи, как правило, говорят о Дионисии II Константинопольском.

¹⁰ Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. 2. С. 95–124.

¹¹ Так, существовала греческая грамота 1531 г., подписанная протом Святой Горы Анфимием, как полагала Н. В. Синецина, «судьба прп. Максима занимала в ней какое-то место», и ее автором мог быть тот же игумен Ватопеда, направивший «брата Максима» в 1516 г. в Москву, – Анфимий [Синецина, 2006].

¹² Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 2. С. 418.

Святогорец осознавал, как слабы его надежды на освобождение, но заявка сделана, и тема «отпущения» на Афон открыта.

В «Слове отвѣщательном о исправлении книгъ русских...» моление о возвращении в Ватопед помещено в сильную позицию конца текста, поэтому притягивает внимание к автору, ожидающему благодарения за свой труд. Ученый монах, обращаясь к «благовѣрнѣшим и славнѣшим князем и боярам», вспоминает Святую Гору, где он вынес много духовных трудов и где мечтает положить «свои кости»:

«да не презрите мене, молю вы, бес пути заблужающа и душе погыбающа безумиемъ моим, нъ с приличным прилѣжанием устройте исправление мое и спасение и даруйте мнѣ, молю ваше благовѣрие, еже въ Святую Гору възвращение, да идѣже от юности моеа многы и различны труды духовныя же и тѣлѣсны положих о надежи спасения, тамо и кости моа смиренны да положатся»¹³.

В «кратком ответе» мы тоже наблюдаем выстраивание стратегии моления о Святой Горе, направленного коллективному адресату:

«Благоизволите убо, благоизволите, Господа ради, сотворити милость о мнѣ, бедномъ: дадите ми видѣти Святую Гору, молитвеницу всеи вселеней, отдадите мя богомолцам вашим, преподобным отцем и братии моеи, умилени будите христианоулюпне их к вам о мнѣ молитвами и слезами!» (Л. 367).

Таким образом, тема возвращения на Афон появляется в трех сочинениях писателя начала 40-х годов XVI в.: Послании П. Шуйскому (1542 г.), «Словах отвещательных» (1544 г.), «кратком ответе» (1545 г.).

Во второй половине 40-х годов XVI в. Максим Грек составил серию молений к Ивану IV. Безусловно, он рассчитывал на рефлексию царя на грамоты вселенских патриархов. В «Главах поучительных начальствующим правоверно» (25-я глава Иоасафовского собрания) (1546 г.¹⁴) просьбы о возвращении в Ватопед еще нет, но заканчивается сочинение рассуждениями о пользе гостеприимного отношения к иностранцам. «Эта мысль, – отметил В. Ф. Ржига, – возведена в нравственную норму для правителя» [Ржига, с. 68]. Видимо, афонский монах не решился в первом послании к царю прямо обратиться со своей просьбой, он лишь завел разговор на тему возвращения иностранцев:

«Но леть да есть имъ (“пришельствующим странным”. – Л. Ж.) доброхотно приходити имъ и паки невѣзбранно отходити, отпущенымъ съ всякимъ опаствомъ и миромъ, и честию. Симъ бо образомъ приемлени и брегомии, паки отпускаеми въсвоися, благоразумно и друголюбно прилежатъ къ намъ и съ благохвалениемъ и съ честию възвѣщаютъ всѣмъ царскыя добродѣтели... языком повѣдающе имъ цареву правду и кротость и брежение еже къ всѣмъ вкупѣ страннымъ, приходящимъ въ богохранимую дръжаву ихъ. И что сего полѣзнейше быти может властемъ благовѣрныхъ цареи! Всеи бо слышащей таковое ихъ благоумие и кротость и брежение о приходящихъ странныхъ молитвами обилными въздариатъ ихъ...»¹⁵.

Такую речь следует оценивать как предисловие к серии апелляций Максима Грека к московскому царю с прошением о возвращении в Ватопед. В следующем послании Ивану IV – «Слове к начальствующему на земли» (24-я глава Иоасафовского собрания) – мольба сформулирована прямо:

«Въздаруи ми, рабу твоему и богомолцу нищему, еже въ Святую Гору възвращение щедротъ ради Христовыхъ. Отпусти мене съ миромъ отсюду»¹⁶.

---

¹³ Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. 2. С. 143.

¹⁴ В. Ф. Ржига датировал «Главы» 1548 г., оговорив, что «обоснование датировки опускается за недостатком места» [Ржига, с. 62, примеч. 4].

¹⁵ Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. 2. С. 262.

¹⁶ Там же. С. 251.

Обе эти главы авторского кодекса представляют программу «начальствующему», «идейные основы» для ведения политики молодого русского царя [Ржига, с. 72], и личное прошение Максима Грека, которым завершается трактат, эквивалентно ожиданию подарка, которого заслуживает автор.

Возвращение на Афон – основная тема еще одного «Послания к самодержцу всея Руси Иоанну Васильевичу»¹⁷, сохранившегося в рукописи Троицкого собрания РГБ. Ф. 304/І. № 200. 20-е годы XVII в. Л. 354–354 об. Максим Грек здесь трижды повторяет свою просьбу, перешедшую в мольбу:

«да благоизволиши сътворити милость и исцѣлиши многолѣтнюю болѣсть окаанна души моя, о нем же лишенъ есмь безмлвнаго и спасительнаго еже во Святѣи Горѣ пребываниа» (Л. 354);

«да сътвориши милость съ мною и отпустиши мя съ миромъ» (Л. 354);

«полезно же, зане сотворъ милость и отпустиши мя къ богомолцомъ твоимъ отцомъ и братиамъ моимъ...» (Л. 354 об.).

Слово о милости в этом послании стало ключевым. Определяющую позицию оно заняло в «кратком ответе» и во втором Послании Макарию, тогда как в первом Послании тема милости Максимом Греком еще не заявлена.

В письме к самодержцу всея Руси Святогорец напоминает о «словесенъ тетратках», которые он отправил Ивану IV, чтобы показать,

«каковъ язъ, грѣшныи, был изначала доброхотенъ богомолецъ и служебникъ благовѣрнеи державе Русеи» (Л. 354 об.).

Представление себя адресату – принципиальный момент в поведенческой стратегии Максима Грека, наблюдаемой в его эпистолярном наследии. Послание самодержцу, должно быть, написано после второго Послания Макарию, и это, видимо, последнее прошение монаха о возвращении на Афон.

Таким образом, «краткий ответ», прикрепленный к первому Посланию Макарию, ближе к контексту прошения, которое содержится в «Слове отвѣщательном об исправлении книг», и может быть датирован концом 1545 г.

Вторая просьба¹⁸ Максима Грека – о возвращении причастия – изложена в трех посланиях: Петру Ивановичу Шуйскому и обоих посланиях Макарию. В Послании к князю указаны те же 17 лет беспричастия, следовательно, оно составлено в 1542 г. и может служить культурным и историко-литературным контекстом первой эпистолии к митрополиту. Обращение Святогорца со своими нуждами к Шуйскому вызвано проявленными, как отметил инок, к нему «благоумием и кротостью», поэтому с маленькой надеждой он молит удостоить его причащения:

«но оно прошу от вашае велелѣпныи свѣтлости: да мя сподобите причастиа пречистыхъ и животворящихъ Христовыхъ таинъ, ихже непричастенъ пребываю лѣтъ ужь 17 и лишениемъ ихъ многолѣтнымъ»¹⁹.

В ситуации острой борьбы за власть в Московской Руси конца 30-х – 40-х годов XVI в. просьба к светскому лицу вернуть церковное причастие не звучит странно. Сам прецедент следует объяснить возможностями сына влиятельного Ивана Шуйского, на которые рассчитывал Максим Грек. Концепт «оставите суд Судящему» отразил в этом послании главную мысль автора. Он советует Петру Шуйскому снискать славу различными милостынями убогим «и по темницамъ злѣ страждущимъ», и в последних словах, безусловно, заложен намек на участь ватопедского монаха.

¹⁷ Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 2. С. 376–379.

¹⁸ Речь идет именно о просьбе, а не вообще о теме причастия, которая проходит через ряд сочинений инока.

¹⁹ Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 2. С. 418.

В первом Послании Макарию формулировка прошения обрядово точно выдержана, церемониально и эмоционально насыщена, и сама просьба тщательно подготовлена:

«Ты же, о божествена и освященная главо, якоже подражатель Кроткаго и Смиренаго сердцемъ, прости мою дерзость и мое сие дерзостное воспоминание приими со кротостию, имже образомъ чадолюбивии отцы своих младенець немотованиа, и воздати ми благоизволи, непотребному рабу твоему, божественных и Спаса Христа даровъ причастие, егоже лишень есмь, не вѣм чесо ради, лета уже 17» (Л. 366).

Безусловно, главная тема первого Послания Московскому митрополиту – возвращение причастия. Моление помещено в центр повествования и окружено благодарственными мотивами и эмоциональными заклинаниями, окрашено ностальгией и надеждой, поддержано личностными характеристиками и биографическими воспоминаниями.

Во втором Послании архиерею интонация речи Максима Грека изменилась. Он так и не получил права причастия, и горькое разочарование, досада, упрек слышатся в тираде риторических вопросов, обращенных к митрополиту:

«Чесо ради таково неправдование презираеши, святѣи владыко, безъ исправления?

Кто тебе въ церковныхъ строенихъ вышше в земли Русстей?

Или кто тебе словеснѣишии и ко обидимымъ милостивѣишии? Чесо ради?» (Л. 40).

Святогорец понял, что его надежды, которым он предался в первом Послании, рухнули со словами митрополита: «пособити тебе не можем». Он не хочет верить, что митрополит беспомощен и «изнемогли» его ревность и апостольские власть и сила:

«Кто противляися тебѣ, преосвященнѣишии?

Колико обидимыхистемницъ и от уз разрѣшилъ еси, заточенныявъзвалъ еси, присмертныя оживиль еси?

... Воля Господа Бога да твоя!» (Л. 40).

На смену панегирическим мотивам, оптимистическому настроению пришли горестные рассуждения о несправедливости наказания.

Тема возвращения причастия во втором Послании спровоцирована двумя вопросами, поставленными митрополитичьим казначеем, протосинкеллом Алексеем, видимо, по заданию Макария. Из «грамоты» инока Алексея Максим Грек узнал о слухах, которые распространялись о нем в Москве, а именно: о возвращении ему причастия тайно (якобы по болезни)²⁰ и его (якобы) требовании принять причастие только от нового собора. Эти известия возмутили и напугали Святогорца:

«Недоумѣниемъ многим и страхомъ сдрѣжим есмь» (Л. 37 об.).

Опираясь на псалмы, он объясняет свое недоумение и страх и излагает свою непреклонную позицию:

«Азъ съкровенѣн и съ лжею причащатися божественныхъ таинъ нѣсмь учень» (Л. 38);

«Милость, владыко, выну просих и нынѣ прошу от Бога самого и от твоего преподобства, а не суд, ни разсужение соборное» (Л. 39).

В Послании Алексею Максим Грек повторил:

«А мене, Бога ради, заклинаю васъ Иисусъ Христомъ, не оставите без причастия; суд, господине, не прашивал и не прошу, милости прошу»²¹.

Сама просьба о причастии помещена в прозаический контекст в конце второго Послания Макарию:

«не велеи что житииское дарование прошуу вас, точию божественное причастие, еже всѣмъ просто даеться. Судъ не прошу, ниже събора, милость прошу и милосердие челоуѣколюбное» (Л. 40).

---

²⁰ Разрешение о причастии «в болезни или при смерти» содержится в «изложении» Собора 1525 г. [Судные списки, с. 122].

²¹ Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 2. С. 385.

Письма Макарию и Алексею были написаны, как свидетельствует текст второго Послания, в Тверском Отроче монастыре:

«Азь о възвращении к Москвѣ и житии никако же не стужаю» (Л. 40).

Судя по этому признанию, Максиму Греку, видимо, было сделано предложение вернуться в Москву, но к нему афонец отнесся с настороженностью. Он уклонился от участия в соборе 1548–1549 г., куда был приглашен в качестве свидетеля деятельности Исака Собаки, но составил «Ответ въкратцѣ къ Святому собору, о нихже оклеветан бываю» (РГБ. Ф. 256. № 264. Л. 288–292),²² в котором подготовил свою защитную речь [Синицына, 1977, с. 160].

Датирующим признаком второго Послания стали сведения о десяти тетрадях его сочинений, которые он передал с «верным служебником» протосинкелла Алексея Андреем Семеновым. Об этих тетрадках речь идет и в Послании Алексею, где упомянута еще одна «тетратка» в 27 глав, которая «списана мудро добрѣ къ самому великому властелю»²³. Это были знаменитые «Главы поучительны к начальствующим правовѣрно». Они же названы в Послании Ивану IV, самодержцу.

Ряд текстуальных совпадений посланий Макарию и Алексею безоговорочно свидетельствует о единовременном их составлении: так, в Послании Алексею читаем:

«а мене, Бога ради, заклинаю вас не оставите без причастия; суд, господине, не прашивал и не прошу, милости прошу»²⁴.

Н. В. Синицыной высказано предположение о появлении этих посланий до царского венчания, то есть до 1547 г. [Синицына, 2008, с. 194].

Уточнить датировку первого Послания попытаемся, исходя из его содержания. Главный смысл первого Послания – добиться возвращения причастия, и Максим Грек очень изящно и дипломатично выстраивает стратегию своего обращения к митрополиту. Пространное поэтическое вступление наполнено радостно приподнятым настроением автора:

«Небо в день убо украшает солнечный свѣтъ пресветлыи, в нощи же – полонъ сии нощныи свѣщникъ и различныа благодать безчисленых звѣздъ» (Л. 364).

Символика солнца и звезд, связанная со значением света и духа, передает надежды заточенного инока на перемены в судьбе, зависящей от воли владыки. Начало Послания выдержано в стиле похвалы богоносным архиереям, которые непорочную веру, поколебленную еретиками, спасали вселенскими и местными соборами и еретические хуления «пращею Духа Святаго» отметили в «глубины забвения». Таким ревнителем веры Максим Грек видит митрополита Макария:

«твое преподобство богоугоднѣ и апостололѣпне правяще кормила святѣишиа митрополия Москвѣ и всеа Русии, якоже слышу и от иных многихъ достовѣрныхъ муж, наипаче же от самого боголюбиваго епископа Тѣферскаго, господина и владыку и промысленика моего Акакия» (Л. 364 об.).

Ученый монах и далее ссылается на устные источники: «елма же боголѣпна вся твоя... правятся, якоже слышу!», «о нем же (о слухах о Макарии. – Л. Ж.) велми веселюся духовнѣ», что позволяет оценить его осведомленность о жизни в Москве.

В высоком эмоциональном напряжении выдержана молитва инока за Московского митрополита и великого князя:

«Еи, Господи, Исусе Христе! Сподоби нас таковѣи благодати и благословению молитвами Твоего преподобнаго архиерея, нашего же господина и владыкы – Макариа!

Соблюди его, Господи, на лѣта многа благовѣрному и христолюбивому царю твоему и рабу вѣрному, государю нашему Иванну Васильевичю, великому князю всеа Руси!

Соблюди их, Владыко, на многа лѣта...» (Л. 364 об.).

²² Филарет (Гумилевский). Максим Грек. С. 84–91.

²³ Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 2. С. 383.

²⁴ Там же. С. 385.

Эти заклинания как бы укрепляют веру и надежду инока Максима на изменение своей участи и выстраивание отношений с властителями. Опираясь на библейский текст, церковный публицист рисует образ православного архиерея, который должен быть спасением для благоверных и выполнить одно из поручений, данных ему божественной властью, – быть милосердным ко всем, требующим заступничества и покровительства: сиротам и вдовам, нищим и убогим, а также «приходящим иноземцом странным, ихже и сам един есмь» (Л. 365). В традиционный ряд нуждающихся в помощи Максим Грек встраивает еще одну категорию страдальцев – иноземцев – и старается обратить внимание на себя:

«обрящещи мя, зѣлане подвижшася за православную вѣру нашу» (Л. 366 об.).

Вообще, в первом Послании Максим Грек довольно много говорил о себе, он старался представить митрополиту свою личность. В конце Послания привел важный факт своей биографии. Так, стараясь убедить «всесвященнейшего владыку» в своей преданности православной вере, Святогорец вспоминал:

«Не точию здѣ, у вас, списав словеса доволна на болших ересеи, глаголю же, июдѣх и агарянъ, и самех еллинъ, и на прельщающихъ многиа от православныхъ жєсловцовъ и суєсловцовъ звѣздочетцовъ... но еще и пред самѣми вельможами, глаголемыхъ лях²⁵, нашу православную вѣру свѣтлѣ и без обинования воспроповѣдах...» (Л. 366 об.).

Судя по этому признанию, можно полагать, что первые обличительные сочинения против иноверцев и «звездочетцев» были составлены иноком Максимом еще во время его пребывания на Афоне (сведений о них нет), а в Московской Руси он создавал, видимо, новые редакции своих трактатов. Они вошли в состав Иоасафовского и Хлудовского кодексов как 5–9 главы авторских сводов²⁶, были упомянуты в нескольких сочинениях писателя. Например, в Послании митрополиту Даниилу он ссылался на свои «списания» против иудеев, еллинов, «бывшим дотолє моимъ учителемъ», измаилтян²⁷ и отметил важный факт:

«сподобихся за то самое благовѣрие многажды въ многихъ мѣстѣхъ подвизатися и не посрамленъ бых, и наипаче противу латынѣхъ оплѣчася, сильныхъ сущихъ въ Священныхъ Писании и въ внѣшнихъ»²⁸.

Е. Е. Голубинский считал, что под этими словами следует понимать миссионерскую деятельность Максима, который был «посылаем монастырем за милостыней на острова греческих морей, находившихся под властью венецианцев, и что здесь он укреплял православных в отеческой вере, противодействуя пропаганде латинян» [Голубинский, с. 675].

Далее в первом Послании Макарию следует горький упрек митрополиту и московским властителям:

«И вкратце рещи, идѣже ни послан быхъ от священныя обители Ватопедския по повелѣнию преподобныхъ отецъ моихъ по милостыню, вездѣ благодатию Святаго Параклита просвѣщаем, православную вѣру свѣтло проповѣдах, и с честию подобною отпущенъ паки быхъ во Святую Гору, и нигдѣ же во узахъ падохъ, ниже в темницахъ затворенъ быхъ, ниже мразы и дымы, и глады уморенъ быхъ, елика случилася здѣ мне праведными судьбами Божиими грѣхъ ради всяко моихъ премногихъ, а не за ересь нѣкую. Уповахъ на щедроты Господа моего Иисуса

---

²⁵ Это чтение известно спискам ГИМ. Синодальное собр. № 491 и Paris. Man. Slave. № 123. А. В. Горский заметил, что это слово может указывать «на неизвестные сношения Максима Грека с поляками» [Горский, с. 170]. Е. Е. Голубинский, незнакомый с чтением «лях», полагал, что здесь Максим Грек «разумет русских вельмож, составлявших боярскую думу, к которым он писал до митрополита» [Голубинский, с. 674, примеч. 4].

²⁶ Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. 2. С. 66–124.

²⁷ Журова А. И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции. Новосибирск, 2011. Ч. 2. С. 139.

²⁸ Там же. С. 138.

Христа, яко нива сердца моего²⁹ чиста и бѣ, и есть, до конца пребудет благодатию Спаса Христа от всякиа еретическия хулы» (Л. 366 об.).

Как видим, Максим Грек свидетельствует, что до приезда в Москву у него был опыт «служебных поездок» с целью проповедования православия и собирания «милостыни» для Ватопеда. Он, вероятно, часто выступал посланцем от обители, всегда с честью возвращался во Святую Гору и нигде не подвергался такому тяжкому испытанию, как на Руси («мразы и дымы, и глады уморень бых»).

Особое внимание привлекают слова Максима Грека: «нигдѣ же во узах падох». Именно на них митрополит отреагировал в своем ответном (несохранившемся) послании: «Узы твоя цѣлуемъ, яко единого от святых, пособити же тебѣ не можем». Эту цитату привел афонец во втором своем Послании архиерею. Совершенно очевидно, что образ «уз» возник в замысле Максима Грека, а изящная рецепция его слов украсила ответное послание Московского митрополита. Примечательно, что в Послании Даниилу Максим Грек вместо поэтического «узы» использовал пиеративное «оковы», и этот синонимический ряд отразил отношение инока к своим адресатам:

«Преподобство же ваше... вмѣсто прощения и милости оковы паки дасте ми, и паки азъ заточень, и паки затворень, и различными озлоблении озлобляемъ»³⁰.

В первом Послании Макарию обращают на себя внимание похвала митрополиту за успешное архиерейское правление и восхищение его устроительной деятельностью:

«твое преподобство апостололѣпне правяще кормила святѣишиа митрополиа Москвѣ и всеа Руси...

твоим преподобиемъ и христоролѣпною тихостию и кротостию укроти и в тишину преложил ешь воставленное не прежде многих лѣтех от нѣких недоброискусных на свою Церковь лютеише треволнение и непохвалное растроение» (Л. 364 об.).

Мог ли митрополит достичь таких успехов за несколько месяцев своего церковного окормления в 1542 г.? Известно, что в первые годы своего святительства Макарий на себе испытал тяготы распрей бояр. Так, Иван Грозный упомянул в послании Андрею Курбскому историю 1543 г., когда бояре разорвали на митрополите мантию, и это свидетельство не в пользу укрощения «недоброискусных». Как заметил Е. Е. Голубинский, «в продолжение этих пяти лет (до конца 1546 г. – Л. Ж.) среди всевозможных смут и интриг в боярстве и вообще при дворе положение митрополита было в высшей степени трудное и тягостное» [Голубинский, с. 764].

В начале 40-х годов XVI в. среди важных дел Макария следует отметить его вклад Софийского списка ВМЧ в библиотеку Новгородского Софийского собора (1541 г.), в августовский том которого архиепископом были включены два ранних антилатинских послания Максима Грека, а также унификацию церковных обрядов, о необходимости которой митрополит писал в грамоте 1543 г. [Дробленкова, с. 80]. Знаменательные события архипастырского служения Макария приходятся на конец 40-х – начало 50-х годов (венчание на царство Ивана IV, соборы 1547, 1549, 1551 г.) [Макарий (Веретенников), 2016, с. 1062–1064].

Итак, когда составлена Максимом Греком похвала Макарию за укрощение «лютейших треволнений»? Может быть, ее надо рассматривать в проекции заслуг архиепископского служения в Новгородской епархии? А Максим Грек выразил таким способом уверенность, что Макарий продолжит и укрепит свои успехи на поприще главы Русской церкви? Но, скорее

²⁹ В послании митрополита Даниила «О любви в скорбях» этот поэтический образ поставлен в иной контекст: «грѣхы бо моя, яко и тръние, подавиша сердца моего ниву, и того ради безгласна имѣю от нужи уста» (Даниил, митрополит Московский. Сочинения. М., 2020. С. 426).

³⁰ Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции. Ч. 2. С. 138.

всего, следует подтвердить осторожное (помещенное в примечании) предположение Н. В. Сеницыной, что указание на 17 лет беспричастия есть ошибка [Сеницына, 1977, с. 156], а датировать первое Послание Макарию следует 1546 г. «Краткий ответ», послуживший ему контекстом, косвенным образом свидетельствует об этом же времени.

Н. В. Сеницына выделяла 1545–1546 г. как переломные в жизни Максима Грека и высказывала предположение о том, что его освобождение из Твери и возвращение причастия были приурочены к венчанию Ивана Васильевича (1547 г.) [Сеницына, 2008, с. 195]. Андрей Курбский писал, что по «совету некоторых синглитовъ» великий князь освободил Максима Грека из заточения³¹.

Документальных свидетельств о времени возвращения причастия Максиму Греку нет, но оно произошло не без влияния послания богослова Макарию и, вероятно, после смерти Даниила (22 мая 1547 г.). Макарий, видимо, сообщил Максиму, что согласно каноническим правилам решение о снятии отлучения может принять только тот, кто наложил наказание, то есть Даниил. С этой аллюзии и начинается заключительный период своей речи афонец во втором Послании:

«Аще же кто противляся, речеть, яко связавыи паки разрѣшит» (Л. 40).

Ученый грек привел ряд доказательств условности такого положения, сославшись на церковный устав и на конфликт Иоанна Златоуста с Феофилом Александрийским и сравнив его с историей своих отношений с Даниилом:

«Таяжде имъ и азъ пострадахъ, падъ въ гнѣвъ неправеднѣмъ Даниловѣ» (Л. 40 об.).

Закончил свое второе Послание Максим Грек пожеланием «своим судиям» быть «подражателями» епископу Амвросию, повлиявшему на политику императора Феодосия Великого (379–385 гг.), и блаженному Вавиле, выступившему против гонителя христиан Нумериана (283–284 гг.). Сопровождать послания «нравоучительными примерами (exempla), взятыми из христианских преданий или древней мудрости», – традиция византийской эпистографии, ей следовал Максим Грек в своей писательской практике [Буланин, с. 104].

Таким образом, 1546 г. можно признать годом переписки Максима Грека с Московским митрополитом. Вероятно, в следующем году ему было возвращено право причастия. Освобождение, скорее всего, состоялось в 1548 г. В пользу этого предположения можно привести два свидетельства. В конце уникального послания Ивану IV, сохранившегося в двух списках (оба без конца) в составе Румянцевского сборника (РГБ. Ф. 256. № 254. Л. 292–294 об., 302–304), зафиксировано важное сведение:

«Аще и не сподобихся видѣти царское твое видѣние [лице³²] по моим грѣхом, а слышанием твоих всехвалных исправлении и строении радости духовныя благовѣрнаго царства исполнихся»³³ (Л. 294 об.).

Иван IV осенью 1547 г. совершил паломническую поездку по северным монастырям, в том числе посетил Тверь³⁴. Царь, вероятно, побывал в расположенном на въезде в город Жёлтиковом монастыре. Слухи об этом событии, видимо, дошли до Максима Грека, находившегося в Тверском Отроче монастыре, поэтому слова сожаления о том, что инок не сподобился увидеть царское лицо, могли быть вызваны этой ситуацией. Если принять это предположение, то надо считать, что в 1547 г. Максим Грек еще находился в заточении и послание Ивану IV может быть датировано началом 1548 г. Единственная встреча Максима Грека с московским царем состоялась в 1553 г. в Троице-Сергиевом монастыре.

---

³¹ РИБ. Т. 311. Стб. 208.

³² Это чтение принадлежит второму списку, л. 304.

³³ В. Ф. Ржига датировал послание 1551 г., опубликовал текст по одному списку и предложил такую концовку [Ржига, с. 76–78, 119].

³⁴ ПСРА. СПб., 1904. Т. 13. Ч. 1. С. 149.

Второе свидетельство касается послания Макария бывшему митрополиту Иоасафу, чернецу Троицкого монастыря, в котором архиерей сообщает, что «в царской казне ныне обрелся соборной список Даниила, митрополита всея Руси, о ереси Максима Грека Святогорского» [Судные списки, с. 126]. Обратим внимание на определение темы, которое дал Макарий, – «о ереси», тогда как сибирский список судебного дела, протограф которого, по концепции Н. Н. Покровского, относится ближе к 1548 г. [Судные списки, с. 39], названия не имеет. Митрополит привел выписки из «подлинного соборного списка», который обнаружил 2 ноября 1548 г., «не касаясь, – как заметил Н. Н. Покровский, – самых острых и важных в 1531 г. политических обвинений... Это важный показатель отношения Макария... к Максиму Греку» [Судные списки, с. 81], но не внес в свое изложение каких-либо комментариев (Макарий должен был присутствовать на соборе 1531 г. как Новгородский архиепископ). Так кто же Максим Грек в восприятии Макария: один из святых, узы которого он готов целовать, или осужденный еретик? Напоминание Иоасафу о судебном разбирательстве, очень вероятно, связано с переводом афонца в Троицкий монастырь, иначе не понятна мотивация включения выписок из судебного дела о Максиме Греке в послание митрополита Макария, целью которого было выяснить историю отлучения Исаака Собаки. Следовательно, Святогорец появился в Троице-Сергиевом монастыре в 1548 г. и не по просьбе старца Артемия, как принято считать [Журова], и с этого времени началась его работа по формированию авторских кодексов.

Литература

- Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984. 277 с.
Голубинский Е. Е. История Русской церкви. М., 1911. Т. 2. Вторая половина тома. 616 с.
Горский А. В., прот. Максим Грек, святогорец // Прибавления к изданию творений святых отцов. М., 1859. Ч. 18. Кн. 2. С. 144–192.
Дробленкова Н. Ф. Макарий // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 76–88.
Журова Л. И. Максим Грек и старец Артемий (к вопросу о групповой идентичности) // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. № 3. С.
Макарий (Веретенников), архим. Митрополиты Древней Руси (X–XVI веков). М., 2016. 1255 с.
Макарий (Веретенников), архим. Митрополит Московский Макарий (жизнь и деятельность в зеркале исторических источников). Можайск, 2017. 448 с.
Ржига В. Ф. Опыты по истории русской публицистики XVI века: Максим Грек как публицист // ТОДРА. Л., 1934. Т. 1. С. 5–120.
Синицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977. 332 с.
Синицына Н. В. Новые данные о российском периоде жизни преп. Максима Грека (комментарий в свете веры) // Вестник церковной истории. 2006. № 4. С. 221–236.
Синицына Н. В. Максим Грек. М., 2008. 232 с.
Смирнов И. И. Максим Грек и митрополит Макарий // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова. М., 1963. С. 173–180.
Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки / Изд. Н. Н. Покровского; Под ред. С. О. Шмидта. М., 1971. 181 с.

References

- Bulanin, D. M. *Perevody i poslaniya Maksima Greka* [Translations and Epistles of Maximus the Greek]. Leningrad, 1984. 277 pp.
Droblenkova, N. F. *Makarii* [Macarius]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Leningrad, 1989. Issue 2. Part 2. Pp. 76–88.
Golubinskiy, E. E. *Istoriya Russkoi tserkvi* [History of the Russian Church]. Moscow, 1911. Vol. 2. Second part of the volume. 616 pp.
Gorskii, A. V., protopope. *Maksim Grek, svyatogorets* [Maximus the Greek, Svyatogorets]. In *Pribavleniya k izdaniyu tvorenii svyatykh ottsov*. Moscow, 1859. Part 18. Book 2. Pp. 144–192.
Makarii (Veretennikov), archimandrite. *Mitropolity Drevnei Rusi (X–XVI vekov)* [Metropolitans of Old Rus' (10th–16th Centuries)]. Moscow, 2016. 1255 pp.

Makarii (Veretennikov), archimandrite. Mitropolit Moskovskii Makarii (zhizn' i deyatel'nost' v zerkale istoricheskikh istochnikov) [Metropolitan Macarius of Moscow (The Life and Work in the Mirror of Historical Sources)]. Mozhaisk, 2017. 448 pp.

Rzhiga, V. F. Opyty po istorii russkoi publitsistiki XVI veka: Maksim Grek kak publitsist [Essays on the History of Russian Publicism of the 16th Century: Maximus the Greek as a Publicist]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Leningrad, 1934. Vol. 1. Pp. 5–120.

Sinitsyna, N. V. Maksim Grek v Rossii [Maximus the Greek in Russia]. Moscow, 1977. 332 pp.

Sinitsyna, N. V. Novye dannye o rossiiskom periode zhizni prep. Maksima Greka (kommentarii v svete very) [New Data on the Russian Period of Life of the Rev. Maximus of the Greek (Commentary in the Light of Faith)]. In *Vestnik tserkovnoi istorii*. 2006. No. 4. Pp. 221–236.

Sinitsyna, N. V. Maksim Grek [Maximus the Greek]. Moscow, 2008. 232 pp.

Smirnov, I. I. Maksim Grek i mitropolit Makarii [Maximus the Greek and the Metropolitan Macarius]. In *Problemy obshchestvenno-politicheskoi istorii Rossii i slavyanskikh stran. Sbornik statei k 70-letiyu akademika M. N. Tikhomirova*. Moscow, 1963. Pp. 173–180.

Sudnye spiski Maksima Greka i Isaka Sobaki / Izd. N. N. Pokrovskogo; Pod red. S. O. Shmidta [Judgment Lists of Maximus the Greek and Isak Sobaka / Publication by N. N. Pokrovsky; edited by S. O. Schmidt]. Moscow, 1971. 181 pp.

Zhurova, L. I. Maksim Grek i starets Artemii (k voprosu o gruppovoi identichnosti) [Maximus the Greek and the elder Artemius (on the Question of Group Identity)]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2020. No. 3. Pp.

Ludmila I. Zhurova

History Institute of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

EPISTLES FROM MAXIMUS THE GREEK TO METROPOLITAN MACARIUS
IN THE CONTEXT OF THE WRITER'S EPISTOLARY HERITAGE

This study deals with the issue of systemic relations between the two known epistles of Maximus the Greek to Metropolitan Macarius. Their semantic and inter-textual connections are scrutinized in the context of the epistles to Petr Shuisky, Metropolitan Daniil, Coadjutor Alexey, and Grand Prince Ivan IV. A hypothesis is proposed regarding separation from the First Epistle to Metropolitan Macarius of the concluding fragment named the “brief response” by the author. Based on the study of the history of two petitions written by the learned monk from Mount Athos: on remittal of the denial of Holy Communion and on return to the Holy Mount – the place of the “brief response” and of the epistles to Metropolitan Macarius in the epistolary heritage of the writer is determined. The issue of dating the epistles to the Metropolitan is discussed.

Keywords: Maximus the Greek, Metropolitan Macarius, epistle, petition, epistolary heritage